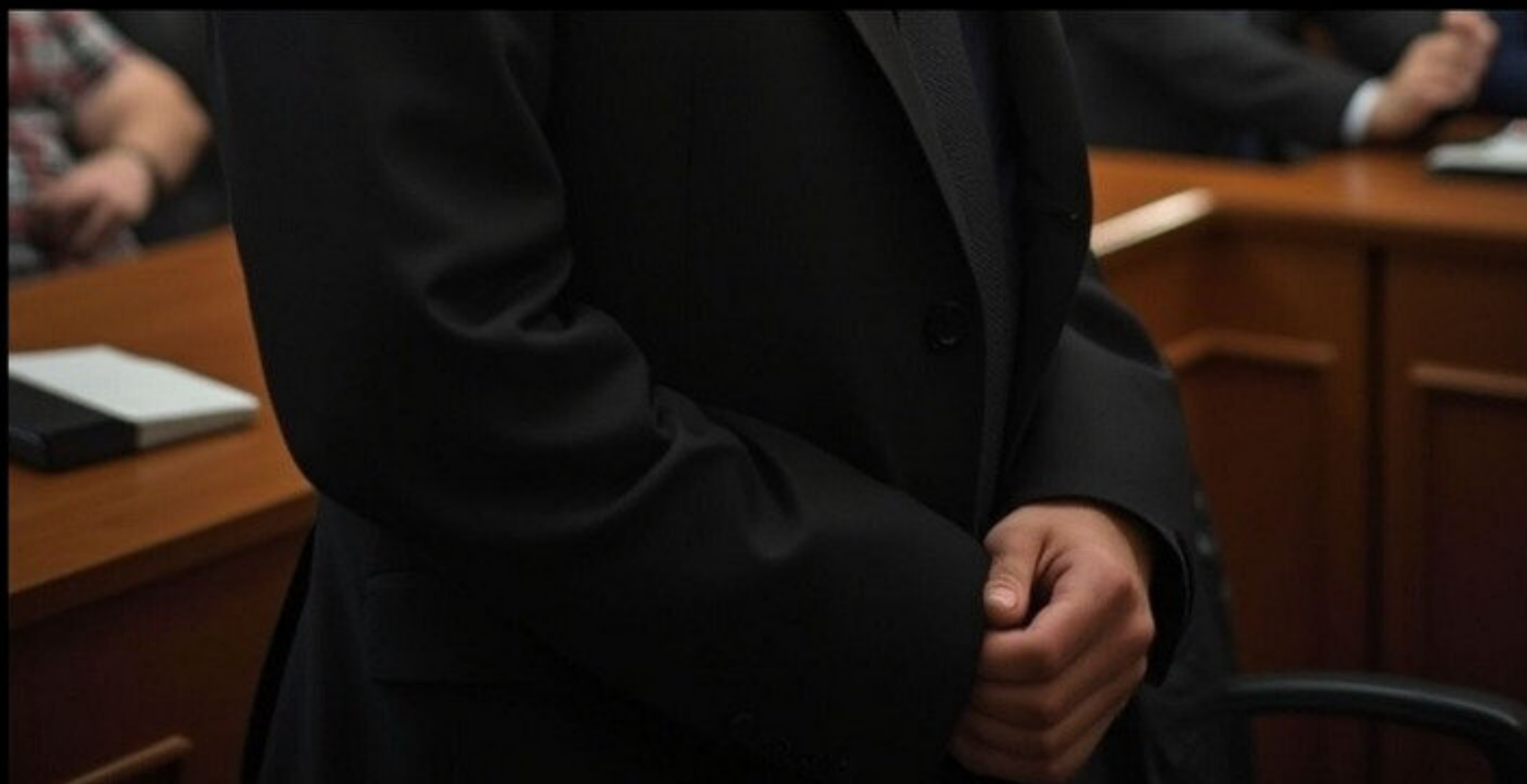

18+

Элина Кинг

Неоспоримое алиби

Когда правда страшнее лжи

Элина Кинг

**Неоспоримое алиби. Когда
правда страшнее лжи**

«Издательские решения»

Кинг Э.

Неоспоримое алиби. Когда правда страшнее лжи / Э. Кинг —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-689541-6

Идеалист-адвокат Павел Сомов бросает вызов системе, чтобы защитить тихого библиотекаря Артема Зайцева, обвиненного в убийстве соседки. Улики против него железные, но Павел верит в невиновность клиента и сражается за него, разоблачая одну фальшивку за другой. Павел побеждает. Но в момент триумфа он узнаёт, что человек, которого он только что спас, — хладнокровный убийца.

ISBN 978-5-00-689541-6

© Кинг Э.

© Издательские решения

Содержание

Клиент	6
Первая трещина	10
Алиби, которое не алиби	16
Новая улика	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Неоспоримое алиби Когда правда страшнее лжи

Элина Кинг

© Элина Кинг, 2026

ISBN 978-5-0068-9541-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Клиент

Дождь стучал по узкому карнизу окна частым, нервным барабанным боем, словно торопил, не давая передышки. Павел Сомов, стоя у этого самого окна в своем кабинете на шестом этаже, смотрел не на раскинувшийся внизу осенний московский пейзаж, а на собственное отражение, расплывчатое в мутных потоках воды. Тридцать семь лет, прямая осанка, еще сохранившаяся от армейской закалки, короткая стрижка, темный, строгий костюм. В отражении он видел адвоката. Внутри же ощущал лишь тяжелую, липкую усталость, знакомую каждому, кто слишком долго смотрит в бездну человеческих поступков.

Дело, которое лежало развернутым на его массивном дубовом столе, пахло не просто преступлением. Оно пахло тоской, бедностью и какой-то обреченной обыденностью. Убийство. Анна Семеновна Крылова, 78 лет, пенсионерка, бывший библиотекарь. Зарезана у себя в квартире на первом этаже дома в Чертанове. Орудие – кухонный нож с деревянной ручкой, свой же. Кражи ценностей не было, если не считать старинной иконы-складня, которую, впрочем, так и не нашли и которая, по словам соседей, могла и не существовать вовсе. Дело, которое любая прокуратура сочла бы «бытовухой», шитым белыми нитками, идеальным для плановой отчетности. Идеальным подозреваемым в нем был ее сосед, Артем Игоревич Зайцев, тридцать два года, библиотекарь в той же районной библиотеке, где когда-то работала покойная. Тихий, замкнутый, без семьи. Отпечатки его пальцев на внутренней ручке двери. Свидетель, который видел его выходящим из подъезда примерно в расчетное время. И пропавшая, а затем чудесно найденная у него кошка старушки, Белка.

Павел с силой провел ладонью по лицу, отгоняя усталость. Фирма «Сомов и партнеры» редко брала такие дела. Они специализировались на защите бизнес-интересов, на сложных гражданских процессах, иногда – на громких, но «чистых» уголовных делах, где клиент был очевидно ложно обвинен коррумпированными конкурентами. Это было другое. Это была грязь и безысходность. Его старший партнер и отец, Александр Николаевич, отставной полковник юстиции, прямо сказал: «Павел, это не наш профиль. Тебя там засосет. Передай дело коллеге из юридической клиники, пусть набивает руку». Но что-то в короткой справке на Артема Зайцева зацепило Павла. Не логикой, а ее отсутствием. Слишком гладко. Слишком... удобно.

Звонок внутреннего телефона разорвал тишину.

– Павел Александрович, вам из СИЗО-3, – голос секретарши, Валентины Петровны, звучал как всегда бесстрастно. – Подтверждают встречу на завтра, в девять утра. И майор Громов из следственного отдела просил перезвонить.

– Спасибо, Валентина Петровна. Громову я позвоню позже.

Он положил трубку. Майор Громов. Еще один персонаж в этой пьесе. Уверенный в себе следователь, для которого жизнь – это статистика, а люди – цифры в отчете. Павел встречался с ним пару раз на предыдущих делах. Профессионал, но того сорта, что видит лес, но не замечает деревьев, а уж тем более – сучков на них.

На следующий день путь в СИЗО-3 был долгим и унылым. Серое осеннее небо давило на город. Маршрутка, потом пешком через промзону, где ветер гонял по асфальту обрывки газет и пластиковые пакеты. Само здание из серого бетона возвышалось за высоким забором с колючей проволокой, мрачным и непроницаемым. Процедура пропуска была отлажена до автоматизма: документы, проверка, металлоискатель, хлопающая железная дверь, коридоры, пахнувшие дезинфекцией, сыростью и страхом.

В комнате для свиданий адвокатов с подзащитными было холодно. Стеллажи с документами, два стула по разные стороны стола, прикрученного к полу, решетка на единственном окне. Павел расстелил на столе чистый блокнот, положил рядом диктофон. Он всегда начинал с чистого листа.

Дверь открылась с глухим лязгом. Конвоир ввел человека в застиранном синем халате. Павел взглянул и почувствовал, как внутри что-то екнуло.

Артем Зайцев был не просто бледен. Его бледность была мертвенной, восковой, подчеркнутая темными, почти фиолетовыми кругами под глазами. Он был худощав, сутулился, словно стараясь стать еще меньше, незаметнее. Волосы, темно-русые, видимо когда-то аккуратно подстриженные, теперь висели неуклюжими прядями. Но главное – глаза. Большие, светло-серые, они метнулись по комнате, как глаза пойманной птицы, и наконец остановились на Павле. В них был не просто страх. Была паника, граничащая с отчаянием, и в то же время – какая-то пугающая пустота, будто человек уже частично отключился от реальности, уйдя глубоко внутрь себя.

Он молча сел на стул, движения его были скованными, механическими. Конвоир вышел, дверь закрылась. Остались они вдвоем в ледяной тишине комнаты.

– Артем Игоревич? – тихо начал Павел. – Меня зовут Павел Александрович Сомов. Я ваш государственный защитник. Пока что. Мы можем поговорить?

Мужчина кивнул, почти не двигая головой. Губы его были сухими, потрескавшимися.

– Вы... вы адвокат? – голос был тихим, сиплым, словно давно не использовавшимся.

– Да. Я ознакомился с материалами дела. Мне нужно услышать вашу версию. С самого начала. Все, как было.

Артем опустил голову, уставился на свои руки, сцепленные на столе. Костлявые пальцы с белыми от напряжения суставами.

– Я не виноват, – прошептал он. Это не было заявлением. Это было констатацией факта, произнесенной в пустоту. – Я ее не убивал. Я не мог.

– Расскажите мне про тот день, Артем Игоревич. Про шестое октября.

Артем замолчал на долгие секунды. Павел ждал, не подгоняя. Опыт подсказывал: первые слова, первая версия – часто самая важная.

– Она... Анна Семеновна была доброй, – начал он наконец, все так же глядя на руки. – Одинокая. Я помогал ей. Носил продукты из магазина, когда сам ходил. Она плохо ходила. В тот день... в тот день я заходил утром. У нее кран капал на кухне. Я починил. Поменял прокладку. У меня руки... я немного разбираюсь. Мы выпили чаю. Потом я ушел. На работу. В библиотеку.

– А вечером?

Артем вздрогнул, словно от удара.

– Вечером я вернулся домой. Примерно в семь. У меня была смена до шести. Я поужинал. Смотрел... смотрел трансляцию. Концерт.

– Какой концерт? – уточнил Павел, делая пометки.

– В честь... в честь Дня народного единства. Репетицию показывали. По федеральному каналу. Потом я читал. И лег спать.

– Вы слышали что-то из квартиры Анны Семеновны? Шум, крики?

– Нет. Ничего. Стены толстые... Я вообще тишину люблю.

– Когда вы узнали, что случилось?

На лице Артема появилось что-то вроде муки.

– На следующий день. Утром. Приехала «скорая», милиция... под окнами шум. Я вышел на лестничную клетку. Дверь в ее квартиру была открыта. Я... я заглянул. Там люди в форме. И она... – он сглотнул, гортань дернулась. – Она лежала в прихожей. Вроде бы. Я мельком увидел. Потом меня оттолкнули. А потом... потом пришли ко мне. Стали спрашивать. Потом обыск. И нашли... Белку. Ее кошку. Она у меня на балконе сидела, дрожала. Я не знаю, как она забежала. Балкон у меня не застеклен, она с улицы могла запрыгнуть с дерева... Я хотел ее потом отнести, вернуть... но не успел.

Павел внимательно слушал. История была простой, даже примитивной. И от этого – уязвимой.

– Следователь говорит, у вас был конфликт с Анной Семеновной. Из-за того, что она жаловалась на ваш шум ночью.

– Это неправда! – впервые голос Артема сорвался, в нем прозвучали нотки чего-то похожего на гнев, быстро угасшие. – Никогда я не шумел. Она... она однажды вежливо попросила не стучать молотком поздно, я полку чинил. Я извинился и больше не делал. Никаких конфликтов не было. Мы... мы даже книги иногда обсуждали. Она любила историческую литературу, про войну особенно...

Павел кивнул. Это совпадало с его ощущением: два тихих, одиноких человека, библиотекаря, нашедших друг в друге подобие общения.

– Артем Игоревич, отпечатки ваших пальцев на ручке двери. Следователь трактует это как то, что вы выходили от нее вечером, уже после убийства.

– Я к ней в тот день заходил только утром! – снова всплеск отчаяния. – И дверь я закрывал... изнутри. Она меня проводила. Я мог дотронуться до ручки с внутренней стороны, когда выходил. Утром! А они говорят, отпечатки снаружи... Я не знаю. Не помню.

Тут была неувязка. Павел отметил это про себя. В протоколе осмотра было четко указано: отпечатки на внешней стороне ручки входной двери. Если Артем выходил последним и закрывал дверь изнутри, его отпечатки должны были остаться внутри. Значит, он либо вернулся и дотронулся до ручки снаружи позже, либо... либо кто-то перенес эти отпечатки. Второе было из области фантастики, первое – говорило против него.

– Свидетель, ваш сосед с третьего этажа, Кравцов, утверждает, что видел вас на лестничной клетке около девяти вечера.

– Не может быть! – Артем потряхнул головой, и в его глазах вспыхнул настоящий, животный страх. – Я был дома! Я никуда не выходил! Он старый, он очки не носит, он мог ошибиться! Он меня с кем-то спутал!

Павел наблюдал за ним. Паника была искренней. Слишком искренней? Или это была паника виновного, понимающего, что сеть сжимается?

– Артем Игоревич, – Павел говорил медленно, подбирая слова. – Чтобы я мог вам помочь, мне нужна абсолютная правда. Вся. Даже то, что кажется вам незначительным или компрометирующим. Если была ссора, если было что-то... это лучше рассказать мне сейчас, чем чтобы это вскрылось на суде.

Артем поднял на него свои огромные, несчастные глаза.

– Я все сказал. Правду. Я не виноват. Я помогал старушке. И теперь я здесь. – Его голос снова стал монотонным, бесцветным. – Они все уже решили. Мне говорил следователь... Громов. Он сказал, что дело простое, что я зря отпираюсь, что мне светит двенадцать лет. За хорошее поведение – восемь. Восемь лет... – Он замолк, снова уставившись в стол.

Павел почувствовал знакомое, острое чувство – смесь жалости и профессионального азарта. Перед ним был либо гениальный актер, либо действительно загнанный в угол невинный человек. И улики, все эти отпечатки, свидетель, кошка – они были как будто специально подобраны, чтобы создать видимость очевидности. Но в этой очевидности не хватало души, не хватало настоящего мотива. Бытовой конфликт? Слишком шатко. Ограбление? Ничего не взято. Что-то еще? Павел интуитивно чувствовал, что за этим фасадом кроется что-то другое.

– Хорошо, – сказал он, закрывая блокнот. – Я буду вашим защитником. Я добьюсь, чтобы вас перевели под домашний арест, пока идет следствие. Это будет непросто, но попытаемся. Мне нужно будет ваше письменное согласие на мою защиту и доверенность на ведение дела. А также – я буду задавать вам много вопросов, иногда одни и те же. Вы должны быть к этому готовы.

Артем кивнул, словно не веря своим ушам.

– Вы... вы мне верите? – спросил он так тихо, что Павел едва расслышал.

Павел посмотрел ему прямо в глаза.

– Я верю в то, что каждый имеет право на защиту. И в то, что следствие должно доказать вину, а не вы – невиновность. Моя задача – проверить каждую улику, каждое показание. Если вы говорите правду, у нас есть шанс.

Он не сказал «я верю вам». Он не мог себе этого позволить. Адвокат не должен верить или не верить. Он должен работать.

Он достал из портфеля необходимые документы, объяснил, где поставить подписи. Рука Артема дрожала, буквы вышли корявыми. Когда формальности были улажены, Павел собрал вещи.

– Меня вызовут на допрос? – спросил Артем, и в его голосе снова прозвучал страх.

– Да. И я буду там с вами. Ничего не подписывайте без меня, ни на какие вопросы следователя не отвечайте в мое отсутствие. Понятно?

– Понятно.

– Держитесь, Артем Игоревич. Это только начало.

Павел нажал кнопку вызова конвоира.

Когда дверь закрылась за ссутулившейся фигурой в синем халате, Павел еще минуту сидел в тишине. Запах страха, казалось, въелся в стены этой комнаты. Он открыл блокнот и крупными буквами написал на чистой странице: «КЛИЕНТ: АРТЕМ ЗАЙЦЕВ». Ниже пометил: «Впечатление: либо невинен и в панике, либо очень хороший лжец. Улики поверхностны. Мотив? Проверить прошлое Зайцева и Крыловой. Кошка? Отпечатки? Свидетель Кравцов».

Он вышел из СИЗО, и первый же глоток холодного осеннего воздуха, пахнущего дымом и прелыми листьями, показался ему глотком свободы. Павел представил, каково это – не видеть неба месяцами, будучи запертым в каменной коробке по надуманному, как ему начинало казаться, обвинению. В его груди что-то жесткое и решительное затвердело. Он достал телефон, набрал номер детектива, с которым иногда сотрудничал.

– Игорь, привет. Мне нужна справка на одного человека. Подробно. И еще на одну, покойную. Да, срочно. Деньги переведу. Жду информацию.

Садясь в такси, он еще раз мысленно проговорил версию Артема. Она была хлипкой. Но само следствие было пока что еще хлипче. У них был свидетель с плохим зрением, отпечатки, которые можно было оставить в любое время, и кошка. Для осуждения человека на долгие годы – смешно. Но Павел знал российскую судебную машину. Часто и этого бывало достаточно. Особенно, если никто не будет копать глубже.

Он посмотрел в окно на мелькающие серые дома. Где-то там, в одном из них, жила старушка, которая любила книги о войне и которой больше не было. Где-то там был человек, возможно, настоящий убийца. А в камере СИЗО сидел тихий библиотекарь, чья жизнь висела на волоске. И теперь Павел Сомов, адвокат, впутал себя в эту историю. Он еще не знал, что это начало пути, на котором каждое его действие, каждая найденная им нестыковка будут оборачиваться новой, более веской уликой против его клиента. Он не знал, что справедливость, за которую он так яростно будет бороться, обернется к нему самым страшным своим лицом.

Пока он знал только одно: дело пахнет неправдой. И он должен был докопаться до сути. Хотя бы для того, чтобы завтра, глядя в зеркало, видеть в своем отражении не просто адвоката, а человека, который не струсил перед системой. Это было его принципом. Его крестом. И, как он узнает позже, его роковой ошибкой.

Такси остановилось у его офиса. Дождь перестал, но небо не прояснилось, затянутое сплошной серой пеленой. Предгрозовое затишье, подумал Павел. Настоящая гроза была впереди.

Первая трещина

Кабинет Павла Сомова ночью превращался в святилище одинокого мыслителя. Днем здесь кипела работа: звонки, встречи, стук клавиатуры, голоса коллег из коридора. Но сейчас, далеко за полночь, царила тишина, нарушаемая лишь шелестом бумаг и мерным тиканьем напольных часов, доставшихся от деда-часовщика. На столе, под светом зеленой лампы с тяжелым бронзовым основанием, был развернут том уголовного дела №34782.

Павел работал методично, как хирург перед сложной операцией, изучая анамнез. Он игнорировал обвинительное заключение, этот готовый, чужой вывод. Его интересовала сырая ткань следствия: протоколы осмотра, допросов, постановления. Он выписывал каждую деталь в толстую, в кожаном переплете, тетрадь, которую вел со времен университета. Слева – факты. Справа – вопросы, гипотезы, стрелки, знаки вопроса, похожие на паутину.

Первым делом он погрузился в протокол осмотра места происшествия. Документ был сух и формален. Составлен бригадой под руководством майора Громова. Время: 07:45, 7 октября. Обнаружил тело участковый уполномоченный, вызванный встревоженной соседкой, которая не смогла дозвониться до Анны Крыловой и заметила, что утренняя газета не взята из почтового ящика.

Место: квартира 12, дом 45 по ул. Маршала Тухачевского. Однокомнатная, 32 кв. м., на первом этаже. Тело потерпевшей обнаружено в прихожей, в положении «на левом боку, головой в сторону входной двери, ногами в сторону кухни». Одето в домашний халат, тапочки на ногах. Предварительная причина смерти – колото-резаное ранение грудной клетки с повреждением аорты. Орудие – кухонный нож с деревянной ручкой (прилагается фото №5), обнаружен «в пятидесяти сантиметрах от тела, на полу в кухне, у ножки стола».

Павел придвинул к себе папку с фотографиями. Они были в черно-белом исполнении, резкие, безжалостные. Он долго изучал снимок прихожей. Анна Крылова лежала, свернувшись калачиком, как будто заснула. Халат был темным, но на светлой линолеуме вокруг нее растекалось большое, черное в отражении вспышки, пятно. Поза не говорила о борьбе. Скорее о неожиданном, стремительном нападении. Он перешел к фотографии ножа. Обычный кухонный нож, советского производства, с пятнами на лезвии. Лежал он неестественно ровно, параллельно ножке стола, будто его аккуратно положили, а не уронили в ходе схватки.

Стоп.

Павел нахмурился. Он пролистал протокол. Ни слова о следах крови на пути от прихожей до кухни. Если убийство произошло в прихожей, а нож найден в кухне, как он туда попал? Убийца унес его с собой, вытирая? Но тогда должны быть капли, мазки. В протоколе указано лишь: «Следы биологического происхождения визуально обнаружены в непосредственной близости от тела и на предполагаемом орудии преступления». Расплывчато. Очень.

Он взял лупу, стал рассматривать другие фотографии кухни. На одной был запечатлен общий план: старый холодильник «ЗИЛ», газовая плита, стол, застеленный клеенкой с цветочным узором, две тарелки и чашка в раковине. Его взгляд зацепился за деталь. На столе, рядом с солонкой и хлебницей, лежал открытый пакет сушек. Рядом стоял стакан с чайной ложкой внутри. Все выглядело так, будто хозяйка собиралась пить чай. Или уже пила его с кем-то. По показаниям Артема, они пили чай утром. А вечером? Значит, мог быть гость.

Но главное было не это. Павел сравнил две фотографии: общий план кухни и фото места обнаружения ножа. На общем плане, на той же клеенке, у дальнего края стола, рядом с тарелкой, лежал складной хозяйственный нож с желтой ручкой. На фото ножа-орудия его уже не было. Значит, снимки делались в разное время? Или кто-то убрал этот хозяйственный нож? Он отметил в тетради: «Время фотофиксации? Где второй нож? Почему нож-орудие на полу, а не на столе?»

Следующий блок – протоколы допросов свидетелей. Их было немного.

1. Соседка, Иванова Галина Петровна, 65 лет: подтвердила, что видела Артема Зайцева, часто помогавшего Крыловой. Вечером 6 октября «ничего подозрительного не слышала, кроме обычных бытовых звуков». Но на вопрос о возможном конфликте сказала: «Анна Семеновна как-то обмолвилась, что молодой человек (имея в виду Зайцева) бывает странный, замкнутый, но зла не держала». Павел подчеркнул: «странный, замкнутый» – субъективная оценка, не более.

2. Сосед, Кравцов Виталий Сергеевич, 72 года: тот самый ключевой свидетель. Допрашивали дважды. В первом протоколе он утверждал, что примерно в 21:00 выходил на лестничную клетку вынести мусор и видел, как «Зайцев спускался с этажа Крыловой, выглядел взволнованным, шапку натянул на глаза». На уточняющий вопрос, уверен ли он, что это был Зайцев, ответил: «Кто ж еще? Он тут один такой худой, в очках, похож на студента. Да и одет был в свою темную куртку, я ее узнаю». Во втором допросе, уже после задержания Артема, Кравцов добавил деталь: «Показалось, что у него руки в карманах были, и он быстро прошел мимо, не поздоровался, как обычно». Павел записал: «Кравцов. Плохое зрение (проверить). Время „примерно“. Опознание по силуэту и одежде. Не видел лица. Не здоровался – странно для „обычного“ поведения?»

3. Участковый уполномоченный, старший лейтенант Дорофеев: стандартный доклад. Жалоб от Крыловой на Зайцева не поступало.

Самый интересный был протокол допроса подозреваемого Артема Зайцева. Их было три. Первый – сразу после задержания, без защитника. Артем отрицал вину, путался в показаниях о времени, нервничал. Второй – с государственным защитником, молодым практикантом. Артем дал более связные показания, совпадающие с тем, что он рассказал Павлу. Третий – после обнаружения кошки. Там уже сквозила откровенная паника и противоречия. На вопрос: «Почему кошка покойной Крыловой оказалась у вас на балконе?» – он ответил: «Не знаю. Наверное, забежала». Следователь Громов задал каверзный вопрос: «Балкон-то у вас не застеклен, но сетка „антикошка“ стоит. Как она через нее забежала?» В протоколе стояла запись: «Подозреваемый затруднился ответить, заявил, что, возможно, сетка была повреждена». При осмотре сетка повреждений не имела.

Павел откинулся на спинку кресла, сжимая переносицу. Картина, которую рисовало следствие, была примитивной и зыбкой. Все держалось на крайне ненадежном визуальном опознании стариком с плохим зрением, на отпечатках, которые могли появиться в любое время, и на кошке, чье появление действительно выглядело странно. Мотив – «возможный бытовой конфликт» – не был раскрыт, не подкреплён ни одним конкретным фактом. Это было не дело. Это была заготовка для дела.

Он взглянул на часы. Было уже три ночи. За окном черное небо начинало светлеть до свинцового оттенка. Павел встал, прошелся по кабинету, разминая затекшие мышцы. На полке, рядом с томами Уголовного кодекса и комментариями, стояла старая фотография: он, лет десяти, с отцом на рыбалке. Александр Николаевич, еще молодой, в камуфляжной форме, учил его закидывать спиннинг. «Главное – терпение, сынок. Рыба клюет на того, кто умеет ждать и чувствовать снасть». Сейчас он чувствовал ту же снасть. Она дергалась, но клева не было. Только странные, обманные толчки.

Он сел снова и открыл постановление о назначении дактилоскопической экспертизы. Отпечатки с ручки двери сравнили с отпечатками Артема. Совпадение. Далее была приложена схема двери с указанием точного расположения отпечатков. Большой палец правой руки – на внутренней нижней части ручки снаружи. Указательный и средний – выше. Такое положение характерно для того, кто открывает дверь снаружи, толкая ее от себя. Если Артем выходил последним и закрывал дверь изнутри, его пальцы должны были оказаться на внутренней

стороне ручки, а движение было бы на себя. Несоответствие. Либо он лжет, и возвращался вечером, либо... кто-то перенес отпечатки? Нереально. Значит, первое.

Но мысль не давала покоя. Павел достал из сейфа личный цифровой фотоаппарат. Завтра ему нужно было получить разрешение на ознакомление с вещественными доказательствами. Он хотел сфотографировать эту дверь сам.

Утром, после двух часов тревожного сна в кабинете на кожаном диване, Павел был уже свеж и собран. Темные круги под глазами скрывали очки в тонкой металлической оправе. Он провел планерку с младшими юристами, раздал указания по другим делам, а к одиннадцати был уже в здании следственного управления.

Майор Громов принял его не сразу, заставив ждать в коридоре с пластиковыми стульями двадцать минут – мелкая, но понятная демонстрация власти. Кабинет следователя был типичным: шкафы с архивами, стол, заваленный папками, портрет главы государства на стене, выцветшая от солнца георгиевская ленточка на книжной полке. Сам Громов, мужчина лет пятидесяти, с упрямым, обветренным лицом и короткой щеткой седеющих волос, не встал при входе адвоката.

– Сомов, – кивнул он, указывая на стул. – Садись. Не ожидал, что ты на это дело поведешься. Думал, передашь какому-нибудь пацану.

– Дело интересное, Виктор Иванович, – нейтрально ответил Павел, садясь. – Много вопросов.

– Какие вопросы? – Громов хмыкнул, отодвигая папку с делом №34782. – Все прозрачно. Зайцев – чудик одинокий, старуха его достала своими просьбами, возможно, что-то не поделили. Взорвался. Бывает.

– Нет доказательств ссоры. Нет доказательств, что он выходил вечером. Свидетель Кравцов...

– Кравцов его видел! – отрезал Громов. – И не тронь ты мне Кравцова. Ветеран труда, инвалид по зрению второй группы, между прочим. Но вблизи он видит. И силуэт узнал, и куртку.

– Инвалид по зрению, – подчеркнул Павел. – И он определяет человека в полутьме на лестничной клетке по силуэту и куртке. Это ненадежно.

– Зато надежно вот что, – Громов достал из папки свежий, еще пахнувший типографской краской, документ. – Постановление о назначении молекулярно-генетической экспертизы. Результаты пришли сегодня утром.

Павел почувствовал холодок под ложечкой.

– И?

– И под ногтями покойной Анны Семеновны Крыловой обнаружены фрагменты эпидермиса, крови. Чужой. Провели сравнительный анализ с образцами Зайцева. – Громов откашлялся, явно наслаждаясь моментом. – Совпадение. 99,8%. Образец-то мы у него взяли при задержании, как положено. Так что не отвертись. Твоя теория про «невинного помощника» рассыпалась, дорогой коллега. Он был там. И она с ним дралась. Царапалась.

Павел взял документ. Это был предварительный отчет эксперта-биолога. Все было оформлено по форме. Указаны методы, использованные реагенты, протоколы изъятия. Цифры не лгали. 99,8% – это практически стопроцентное доказательство присутствия Артема в момент, когда Анна Крылова оборонялась. Все, что он строил – хлипкую версию о нестыковках, – рухнуло под тяжестью этого генетического приговора.

– Когда можно ознакомиться с полным заключением? – спросил Павел, и его собственный голос прозвучал для него отдаленно, будто из трубки.

– Через пару дней, когда оформят. Но суть ты уловил. – Громов откинулся на стуле. – Брось, Павел. Ты хороший адвокат. Не порть себе статистику. У тебя же в основном гражданские дела, бизнес. Зачем тебе это? Подпиши ходатайство о признании вины в особом порядке,

может, срок сбавят. А так... с такими уликами он получит свои десять-двенадцать. Однозначно.

Павел молчал, в голове проносился вихрь. Артем лгал? Но зачем тогда вся эта история с утренним визитом, с чаем? Или он был там утром, и она могла его задеть, поранить при прощании? Но экспертиза говорит о биоматериале под ногтями. Это характерно для активного сопротивления, для схватки, а не для случайной царапины. И время... Если он был там утром, то материал должен был быть давно смыт. Значит, он был там вечером. Значит, Кравцов прав. Значит, отпечатки – вечерние. Все сходилось. Противно, железно сходилось.

– Мне нужно увидеть вещественные доказательства, – сказал Павел, поднимаясь. – Дверь, нож. И получить копии всех фототаблиц в высоком разрешении.

– На что-то надеешься? – Громов усмехнулся. – Ладно. Оформляй ходатайство. Покажу. Только потом не говори, что я тебе не шел навстречу.

Через час, после бюрократических проволочек, Павел в сопровождении молодого следователя-оперуполномоченного спускался в хранилище вещественных доказательств. Это было помещение в подвале, за решетчатой дверью, с стеллажами, заставленными коробками и пакетами с описями. Пахло пылью и сыростью.

Дверь из квартиры Крыловой стояла прислоненной к стене, упакованная в гигантский прозрачный полиэтиленовый пакет. На ней все еще виднелись следы магнитного порошка, использованного для выявления отпечатков. Нож лежал в отдельном пластиковом контейнере. Павел, надев перчатки, которые ему выдал оперуполномоченный, осторожно осмотрел дверь. Он сфотографировал ручку крупным планом, попросил помощника поддержать пакет с другой стороны, чтобы оценить угол. Его гипотеза подтверждалась: расположение отпечатков действительно указывало на открывание снаружи. Он сфотографировал нож, особенно его рукоять, где не было видимых следов пальцев – видимо, убийца действовал в перчатках или вытер рукоять. Но лезвие...

Оперуполномоченный, молодой парень с усталым лицом, заметил его пристальный взгляд.

– Что-то не так?

– Скажите, а отпечатки на лезвии искали?

– На лезвии? Там же кровь... да и вряд ли кто станет братья за лезвие. Искали на рукояти. Чисто.

Павел кивнул. Все логично. Но в его голове, поверх тяжести ДНК-улики, продолжала зудеть мысль о ноже на полу кухни. Он сделал еще несколько снимков, поблагодарил и вышел.

Возвращался он в офиз на такси, глядя в окно, но не видя улиц. ДНК. Это меняло все. Теперь его клиент из потенциальной жертвы ошибки следствия превращался в лежа с железобетонной уликой против себя. Он вспомнил глаза Артема: «Я не виноват». Либо это была наглая, хладнокровная ложь, либо... Либо в этой истории было что-то, что упускали все.

Его телефон завибрировал. Сообщение от частного детектива Игоря: «По Зайцеву готов предварительный отчет. Чист в целом. Но есть нюанс по прошлой работе. Встретимся?»

Павел ответил: «Сегодня, вечером, у меня в кабинете».

Войдя в офис, он сразу почувствовал на себе взгляд отца. Александр Николаевич стоял в дверях своего кабинета, опираясь на костыль (старая армейская травма давала о себе знать в сырую погоду).

– Заходи, – коротко бросил он.

Кабинет отца был другим: строгая военная выправка, карты, фотографии с учений, на столе – макет танка Т-34.

– Ну как, погрузился в свое «дело века»? – спросил Александр Николаевич, садясь за стол.

– ДНК нашли, – без предисловий сказал Павел. – Его материал под ногтями жертвы.

Отец медленно кивнул.

– Я знал. Громов звонил. Он, конечно, хам, но дело свое знает. Ты что собираешься делать?

– Разбираться дальше. Улика уликой, но картина не сходится.

– Павел, – отец посмотрел на него строго. – Иногда картина не сходится, потому что человек – тварь нелогичная. Особенно в состоянии аффекта. Может, он и правда помогал ей, а потом что-то пошло не так. Ссора, вспышка гнева... Он же библиотекарь, наверное, весь в себе, эмоции копит. Взорвался. Теперь боится и врет. Самая частая история.

– А если нет? – упрямо сказал Павел. – Если его подставили?

– Кому сдался этот библиотекарь? – отец отмахнулся. – Нет, сынок. Ты идеалист. Это твоя сила и твоя слабость. Но фирме не нужны скандальные провалы. Особенно с такими уликами. Передай дело кому-нибудь, если уж совесть не позволяет бросить. Но не веди его сам.

Это был не совет. Это было приказное предложение. Павел понял это по тону.

– Я уже согласился быть его защитником. И я буду вести дело до конца.

Александр Николаевич тяжело вздохнул.

– Как знаешь. Но помни: правосудие – это служба. И оно не всегда выглядит так, как в твоих учебниках по этике. Иногда закрыть дело – уже справедливость. Для общества.

Павел вышел, сжав кулаки. «Для общества». Эта фраза резала ему слух. Для общества Артем Зайцев уже был удобным виновным. Убийца пойман, статистика выполнена, родственники (если бы они были) успокоены. Кому какое дело до «нестыковок»? Разве что ему, Павлу Сомову, упрямцу, который не умел отступать.

Вечером, когда в офисе остались только дежурный охранник и он, пришел Игорь. Частный детектив, бывший опер, лет пятидесяти, с лицом бульдога и пронизательными глазами.

– Ну, Павел Александрович, твой клиент – темная лошадка, – начал Игорь, раскладывая перед собой стопку бумаг. – Артем Игоревич Зайцев. Родился в Подольске, мать-одиночка, умерла пять лет назад. Окончил библиотечный техникум, потом заочно истфак пединститута. Работает в 14-й районной библиотеке десять лет. Характеристики – «тихий, исполнительный, немного замкнут». Ни жены, ни детей. Живет один. Из увлечений – книги, моделизм (кораблики собирает), иногда ходит в походы с турклубом «Рубеж». Не пьет, не курит. Соседи отзываются нейтрально: «неприметный».

– А что за нюанс с прошлой работой?

– А вот это интересно, – Игорь перелистнул страницу. – До библиотеки он три года проработал санитаром в городской больнице №3. Уволился по собственному. Но если покопаться в больничных слухах... был инцидент. Умирал у него на дежурстве старый пациент, ветеран. Естественная смерть, но ходили разговоры, что Зайцев был с ним груб, якобы не сразу помощь вызвал. Никаких официальных взысканий, но атмосфера стала нездоровая, вот он и ушел. Родственник того ветерана, сын, некий Сергей Волков, даже якобы угрожал Зайцеву. Но заявления не писал.

– Волков... – Павел записал имя. – Он жив? Где?

– Жив-здоров. Предприниматель, небольшой автосервис имеет. Живет в том же районе, кстати.

– Связь с Крыловой?

– Пока не нашел. Но копну.

– Игорь, нужно копать глубже. Не только Зайцева. Саму Крылову. Кем работала, круг общения, есть ли родственники, которые могли бы быть наследниками. И этот Волков. И... – Павел замаялся. – И все, кто мог бы быть заинтересован в том, чтобы дело выглядело именно так, как оно выглядит.

– То есть, в подставе? – Игорь усмехнулся. – Ох, Павел Александрович, ты берешь высокую планку. Ладно, разберем по косточкам.

После ухода Игоря Павел снова остался один. Он открыл тетрадь и вывел заглавными буквами: «ДНК. 99,8%». Обвел несколько раз. Это была стена. Чтобы ее преодолеть, нужно было либо признать вину клиента, либо найти объяснение. Объяснение могло быть только одно: биоматериал попал под ногти Крыловой в другое время, не в момент убийства. Но экспертиза должна была определить давность... Нет, в предварительном отчете об этом ни слова. Нужно было требовать повторной, с привлечением своего эксперта. Это стоило денег, которых у Артема не было. Значит, фирме. Или ему самому.

Он позвонил в СИЗО, договорился о срочной встрече с подзащитным на завтра. Нужно было посмотреть Артему в глаза, когда он скажет ему про ДНК.

Ночь снова застала его за столом. Перед ним лежали две версии, как два параллельных пути.

Версия первая (следствия): Зайцев, накопивший злобу, пришел вечером к Крыловой, возникла ссора, он убил ее в порыве гнева, испугался, убежал, оставив улики (отпечатки, ДНК, кошку). Глупо, но эмоции.

Версия вторая (его, пока смутная): Зайцев невиновен. Тогда кто-то очень умело все подстроил. Подбросил кошку. Перенес отпечатки? Возможно, если у него был доступ к предметам из квартиры Зайцева. А ДНК... ДНК сложнее. Нужен был свежий биоматериал Зайцева. Волос, слюна на чашке, окурок... Это означало, что убийца знал Артема, бывал у него, имел возможность что-то взять. Или... убийца был в квартире Крыловой после утреннего визита Артема и собрал там что-то с его ДНК? Но как? И главное – зачем такая сложная схема? Чтобы убить старушку и подставить нищего библиотекаря? Бессмысленно.

Голова раскалывалась. Павел потушил лампу и вышел в темный коридор. Из окна в конце виднелись огни ночной Москвы, холодные и далекие. Где-то там, в этой паутине света и теней, был ответ. Он чувствовал его. И чувствовал, что чем ближе он будет подбираться к этому ответу, тем опаснее станет. Игра уже шла не только за свободу Артема Зайцева. Шла игра за его собственную репутацию, за его веру в систему, которую он привык уважать. Первая трещина появилась не только в деле. Она пошла по его собственному миру, такому прочному и понятному еще вчера.

Алиби, которое не алиби

Холод в комнате свиданий в СИЗО-3, казалось, был не физическим, а метафизическим. Он исходил от зарешеченных окон, от серых стен, от самого воздуха, пропитанного отчаянием и безнадежностью. Павел Сомов, сидя на своем стуле, снова ощущал этот холод, проникающий под кожу, несмотря на плотную шерстяную ткань костюма. Он ждал. На столе перед ним лежала копия предварительного заключения ДНК-экспертизы. Этот лист бумаги был тяжелее свинца.

Когда дверь открылась и впустила Артема Зайцева, Павел едва сдержал вздох. Мужчина выглядел еще хуже, чем в первую встречу. Его движения стали еще более замедленными, апатичными, словно он уже наполовину смирился со своей участью. Но когда их взгляды встретились, в серых глазах Артема мелькнул слабый, испуганный вопросительный огонек. Надежда, которую он, вероятно, сам же пытался в себе задавить.

– Здравствуйте, Артем Игоревич, – тихо сказал Павел.

– Здравствуйте, – прошептал тот, опускаясь на стул. – Что... что нового? Вы что-то нашли?

В его голосе звучала робкая, почти детская мольба.

Павел откашлялся. Ему нужно было выбрать слова. Но в этой ситуации не было хороших слов.

– Результаты экспертиз пришли, – начал он, стараясь говорить максимально нейтрально, как врач, сообщающий диагноз. – Генетическая. Есть плохие новости.

Лицо Артема стало абсолютно бесстрастным, маской, под которой бушевала буря. Он молчал.

– Под ногтями Анны Семеновны обнаружен биологический материал. Кожа, кровь. Не ее. – Павел сделал паузу. – Эксперты сравнили с вашим образцом. Совпадение 99,8%.

Тишина в комнате стала гулкой. Артем не шевелился, не моргал. Казалось, он даже не дышал. Потом его веки медленно сомкнулись, и по его щекам, грязным от тюремной пыли, потекли две единственные, бесшумные слезы. Он не рыдал. Просто сидел, с закрытыми глазами, и слезы катились сами по себе, как дождь по стеклу.

– Я не виноват, – прошептал он наконец, но в этой фразе уже не было прежней силы. Была только бесконечная усталость и отчаяние. – Это... это невозможно. Я ее не трогал. Я... мы пожали руки, когда я уходил утром. Только. Больше не было контакта. Как это может быть под ее ногтями? Она... она могла поцарапать меня при прощании? Нечаянно?

– Экспертиза указывает на материал, характерный для активного сопротивления, для обороны, Артем Игоревич, – жестко, но без упрека сказал Павел. – Не для случайной царапины. И он был свежим. Это означает, что ваша ДНК попала туда в момент, близкий к ее смерти. Вечером. Не утром.

Артем открыл глаза. В них плескалась настоящая паника, животный, неконтролируемый ужас.

– Но меня там не было! Я же говорил! Я был дома! Я смотрел концерт!

– Ваше алиби, Артем Игоревич. Оно... его не существует для следствия. – Павел взял свой блокнот. – Вы сказали, смотрели онлайн-трансляцию патриотического концерта, репетицию к Дню народного единства. Вы помните, на каком именно канале? На сайте?

– На... на «Культуре», кажется. Или на Первом. Не помню точно. Я просто зашел на сайт «Вести.ру», у них была прямая трансляция.

– Вы пользовались компьютером или телефоном?

– Ноутбуком. Старым.

– Этот ноутбук изымали при обыске. На нем провели трасологическую и компьютерно-техническую экспертизу. – Павел перелистнул страницу. – Ваш IP-адрес в указанное вами время –

с 20:30 до примерно 22:00 – не проявлял активность, связанную с просмотром потокового видео такого объема. Были незначительные фоновые запросы к почте, но не более. Для следствия это означает, что вы не смотрели концерт. Вы могли оставить ноутбук включенным, а сами уйти.

Артем смотрел на него, широко раскрыв глаза. Казалось, он не понимает смысла слов.

– Но... но я смотрел! Я же помню! Было выступление хора имени Александрова, потом рассказ про судостроителей в Севастополе... Я все помню!

– Вы могли посмотреть запись позже. Или увидеть анонс. Это не алиби, Артем. Это ваши воспоминания, которые нельзя проверить. А то, что можно проверить – цифровая активность – говорит не в вашу пользу.

– Значит, я лгу? – в голосе Артема прозвучала горькая, надтреснутая нота. – Все. И про концерт лгу, и про все. И ДНК мое. И отпечатки. И кошка. Я – идеальный убийца, да? – Он истерически хрипло рассмеялся, и этот звук был страшнее плача.

Павел ждал, пока спазм пройдет.

– Я не говорю, что вы лжете. Я говорю, что у следствия теперь есть три мощные улики: свидетель, ДНК и отсутствие подтвержденного алиби. С такими картами играть очень сложно. Но не невозможно. Если вы говорите правду, значит, это ДНК было подброшено. Или было перенесено с другого предмета. Вы уверены, что утром вы не брали ничего такого, что могло остаться у Анны Семеновны? Чашку, салфетку, что-то еще? Может, вы порезались? Оставили платок?

Артем задумался, сжимая виски пальцами, как будто пытаясь выдавить воспоминание.

– Нет... Чашку я помыл и поставил в сушилку. Она свою чашку мыла. Мы просто сидели, разговаривали... Нет. Я не порезался. Я... – Он внезапно замер. – Волос. У меня мог выпасть волос. На плече. Она могла его стряхнуть потом, и он куда-то попал... Но как он оказался под ногтями?

– Маловероятно, – вздохнул Павел. – Но возможно. Это нужно обсудить с нашим экспертом. Если мы его найдем и если у нас будут деньги на контраэкспертизу. – Он посмотрел на Артема прямо. – Артем Игоревич, я задам вам неприятный вопрос. Но он жизненно важен. У вас есть враги? Кто-то, кто мог бы вас ненавидеть настолько, чтобы подстроить все это?

На лице Артема промелькнула тень. Быстро, но Павел ее уловил.

– Враги? Нет... Я ни с кем не общаюсь почти. На работе... нормально. С соседями...

– А до библиотеки? Когда вы работали в больнице санитаром. Был инцидент с ветераном. Сын его, Сергей Волков. Он вам угрожал?

Артем побледнел так, что губы его стали синюшными.

– Откуда вы... – он сглотнул. – Это... это было давно. Ничего серьезного. Волков был расстроен, он кричал, обвинял в халатности. Но это ерунда. Он не стал бы... за это... убивать старушку? Это же бред.

– Возможно. Но нам нужно проверить все версии. Дайте мне разрешение на сбор информации о вашей жизни, о прошлой работе. Формальное. И расскажите все, что помните о том вечере, минутой за минутой. Сейчас.

Следующий час Павел вытягивал из Артема детали. Тот путался, что-то вспоминал, потом отрицал. Но общая картина была: пришел с работы, поужинал (гречка с котлетой, купленной в кулинарии), сел за ноутбук. Зашел на новостной сайт, увидел анонс трансляции, включил. Смотрел, параллельно листал ленту в соцсетях (но не писал ничего). Пил чай. Около десяти вышел на балкон покурить (хотя в остальное время отрицал, что курит – «редко, только когда нервничаю»). Увидел кошку на балконе, испугался, попытался ее поймать, но она спряталась под старый шкаф. Он решил разобраться утром. Лег спать около одиннадцати.

Никаких звонков. Никаких сообщений. Никаких гостей. Абсолютная изоляция. Идеальная картина для отсутствия алиби.

– А с Анной Семеновной вы обсуждали что-то особенное в последнее время? Может, она чем-то была обеспокоена? Говорила о каких-то документах, деньгах, знакомых?

Артем покачал головой.

– Нет. Говорили о книгах. Она давала мне почитать мемуары маршала Жукова... Все как всегда.

Когда встреча закончилась и Артема увели, Павел остался сидеть, ощущая тяжесть на плечах. Его клиент был эмоционально сломлен. Его история была непрочной. А улики против него росли, как снежный ком.

Следующим пунктом был снова кабинет майора Громова. На этот раз следователь был почти любезен – уверенность в скорой победе делала его снисходительным.

– Ну что, Сомов, пообщался с нашим артистом? Признался, как все было?

– Он продолжает настаивать на своей невинности, – холодно ответил Павел. – И я настаиваю на проведении ряда следственных действий.

– Каких еще? – Громов нахмурился.

– Во-первых, повторная, комиссионная молекулярно-генетическая экспертиза с привлечением специалиста со стороны защиты. Я сомневаюсь в чистоте забора образцов и в интерпретации давности материала.

Громов усмехнулся.

– Сомневайся, здоровье дороже. Разрешение дам. Только кто за нее заплатит? Твой книгочей?

– Это моя забота. Во-вторых, мне нужна подробная выписка по активности IP-адреса моего подзащитного за весь день 6 октября, а не только за вечерние часы. С привлечением специалиста-сетевого аналитика.

– Зачем?

– Чтобы установить, была ли на ноутбуке какая-то посторонняя активность, мог ли он быть взломан или управляем удаленно. Хотя бы для исключения этой версии.

Громов смотрел на него, как на сумасшедшего.

– Управляем удаленно, чтобы смотреть концерт? Ты романы пишешь, Павел?

– Я отрабатываю все версии, как и положено. В-третьих, мне нужен доступ для осмотра квартиры потерпевшей. Не формальный, а реальный. С возможностью пригласить своего криминалиста.

– Квартира опечатана. Но... ладно. С постановлением от суда – пожалуйста. – Громов махнул рукой. – Только потом не говори, что мы тебе не помогаем. Дело-то и так ясное.

Павел игнорировал его уверенность. Он оформлял ходатайства, один за другим, чувствуя, как время работает против него. Пока бумаги будут ходить по инстанциям, пока судья будет их рассматривать, общественное мнение и следственная машина уже будут считать дело закрытым.

Вечером того же дня к нему в кабинет пришел Игорь, детектив. Лицо его было серьезным.

– По Крыловой кое-что всплыло, Павел Александрович. Интересное. Она хоть и пенсионерка-библиотекарь, но происхождения, можно сказать, благостного. Отец ее был крупным партийным архивным работником в области. Не бог весть кто, но доступ к документам имел. Сама Анна Семеновна после института тоже работала в архиве, потом в библиотеке им. Ленина, в спецхране. В девяностые ушла на пенсию.

– И что тут интересного? – спросил Павел, хотя внутри уже что-то ёкнуло.

– А то, что человек, проработавший полжизни с секретными и полусекретными документами, мог много чего знать. Или иметь на руках какие-то бумаги. Я покопался в ее окружении. Родни прямой нет. Но есть племянник, дальний, из Питера. Он появился месяца три назад, навещал ее несколько раз. Зовут Дмитрий Крылов. Работает в рекламном агентстве. По моим данным, он активно интересовался ее наследством – квартирой. Но старуха была еще жива

и здорова, завещания, видимо, не оставила. После убийства он приезжал, встречался со следователем, забрал какие-то личные вещи. Больше не появлялся.

– Нужно найти его, – сразу сказал Павел. – Поговорить. И про Волкова что-нибудь?

– Сергей Волков, сын того самого ветерана, – Игорь достал фотографию: коренастый мужчина лет сорока с жестким взглядом, на фоне автосервиса. – Характер, говорят, взрывной. Дела у него идут средне. Есть долги. После смерти отца он получил квартиру, но продал ее быстро, деньги, видимо, прокутил. Интересный момент: его автосервис находится в пяти минутах ходьбы от дома, где жили Крылова и Зайцев. И он был замечен в районе того дома несколько раз в последние месяцы. Один раз его даже видели разговаривающим с... Анной Крыловой. Около подъезда.

– Что? – Павел выпрямился. – Он знаком с Крыловой? Это подтверждено?

– Свидетель – та же соседка, Иванова. Она не расслышала, о чем речь, но видела, что разговаривали, и, по ее словам, «старуха потом была не в духе».

– Прекрасно. А связь между Волковым и Зайцевым после больницы?

– Видимых – нет. Но район один. Могли пересекаться. И мотив у Волкова против Зайцева вроде как есть. Но чтобы убивать старуху... Странно.

– Не страннее, чем убийство старухи библиотекарем из-за вымышленной ссоры, – мрачно заметил Павел. – Игорь, это важно. Очень. Нам нужно найти связь. Может, Крылова что-то знала про Волкова? Или у нее было что-то, что ему нужно? А Зайцев оказался удобным козлом отпущения. Нужно копать в эту сторону. И найти того племянника.

После ухода Игоря Павел почувствовал прилив странной энергии. Появились ниточки. Слабые, но они были. Нужно было тянуть за них, невзирая на ДНК и отсутствие алиби.

Он позвонил эксперту-криминалисту, с которым иногда сотрудничал, – Анатолию Борисовичу, пенсионеру МВД, человеку с безупречной репутацией и острым умом. Тот, выслушав суть дела, согласился помочь за умеренную плату.

– ДНК – это серьезно, Павел, – сказал он по телефону. – Но и подбросить его можно. Особенно, если взять свежий материал – с зубной щетки, расчески. Если убийца был в квартире Зайцева до или после. Нужно посмотреть на саму квартиру Крыловой. Если позволят, осмотрю.

Через два дня, после бюрократической волокиты, Павел и Анатолий Борисович получили разрешение на осмотр квартиры Анны Семеновны. Дверь опечатана, печать сломали в присутствии понятного – того самого участкового Дорофеева.

Войдя внутрь, Павел снова почувствовал тот самый холод, не физический, а тот, что исходит от недавней смерти. Квартира была маленькой, уютной, заставленной книгами. В прихожей на линолеуме все еще виднелся бледный контур, где лежало тело. Анатолий Борисович, щуплый старичок в очках, с чемоданчиком с инструментами, сразу включился в работу.

– Смотрите, – он указал на пол в прихожей. – Кровь здесь, а основной нож – в кухне. И следов переноса нет. Значит, нож унесли, потом вернули? Или убили в кухне, а тело перенесли? Нет, поза не та. Странно.

Он внимательно осмотрел дверную ручку, снова сфотографировал отпечатки. Потом перешел в кухню. Его внимание сразу привлек тот самый стол.

– А где второй нож? – спросил он, сверяясь с фотографиями Павла.

– В описи нет. Значит, изъяли? Или он пропал.

– Странно. Набор обычно хранят вместе. – Анатолий Борисович открыл ящик со столовыми приборами. Там лежали вилки, ложки, еще один маленький нож. Место для большого хозяйственного ножа было пусто. – Его нет. Интересно. Его мог взять убийца? Или... он и был орудием, а этот, – он указал на контейнер с ножом-уликой, – подмена?

Они осмотрели всю квартиру. В спальне, на комод, Анатолий Борисович заметил странную вещь: легкий, почти невидимый слой пыли был нарушен не только там, где стояла рамка

с фотографией (старая, Анна Семеновна в молодости с отцом), но и рядом, где, судя по всему, лежала какая-то папка или книга. Теперь ее не было.

– Что-то забрали. И не обязательно убийца. Может, родственники, – заметил эксперт.

Павел думал о племяннике. И о Волкове. Что могло быть в этой папке?

Когда они вышли из квартиры, Анатолий Борисович сказал:

– Я возьмусь за экспертизу ДНК. Добьюсь разрешения посмотреть оригиналы проб и протоколы забора. Но, Павел, готовься. Если все было сделано по правилам, шансов оспорить почти нет. И еще... этот второй нож. Его отсутствие – очень важная деталь. Нужно выяснить, куда он делся. Может, его и искали? А нашли тот, что подбросили?

По дороге в офиз Павел получил смс от Игоря: «Племянник, Дмитрий Крылов, нашелся. Готов встретиться завтра. Ведет себя нервно. И про Волкова новость: он три дня назад внезапно закрыл свой сервис на „ремонт“ и уехал из города. Куда – неясно».

Все сходилось в слишком удобный узел. Слишком много совпадений. Волков, имеющий мотив против Зайцева, знакомый с Крыловой, исчезает. Племянник, интересовавшийся наследством, объявляется. А в центре – тихий библиотекарь с железной, но такой нелогичной уликой против него.

Павел зашел в ближайшее кафе, заказал двойной эспresso. Он смотрел на спешащих по улице людей, на огни машин. Он представлял себе Артема в камере, его безнадежные глаза. Он думал об отце, который советовал бросить это дело. Он думал о майоре Громе, которому нужна была простая развязка.

И тогда он принял решение. Он не бросит. Он будет драться. Даже если все улики против его клиента. Даже если все считают дело очевидным. В его голове сложилась новая, еще сырая версия: убийство Анны Крыловой не было бытовым. Оно было связано с ее прошлым, с какими-то документами. Убийца (Волков? Племянник? Кто-то еще) пришел за чем-то. Возможно, она застала его. Он убил ее. А чтобы отвести подозрения, подставил идеального «кандидата» – одинокого, странного соседа, с которым у нее были добрые отношения, но который мог быть легко обвинен. Для этого убийца взял что-то с ДНК Зайцева (возможно, побывав у него в квартире – не зря же кошка оказалась на балконе, может, ее специально подбросили, открыв сетку), перенес отпечатки, подбросил нож. Или... убийца знал, что Зайцев был у нее утром, и использовал это.

Это была теория. Ей нужны были доказательства. А пока что единственным реальным доказательством была та самая ДНК. И алиби, которого не было.

Павел допил кофе, оставил на столе деньги. Завтра – встреча с племянником. А потом – тяжелый разговор с отцом о финансировании повторной, очень дорогой экспертизы. И поиск исчезнувшего Волкова. Гонка со временем началась. И он уже чувствовал, как тяжело дышать в этой гонке, где на каждом шагу его поджидали новые ловушки, а истина, казалось, лишь отдалялась, как мираж в пустыне. Но отступать было некуда. Он дал слово. И для Павла Сомова слово было не просто звуком. Это была крепость, в которой он жил. И сейчас эта крепость подвергалась осаде.

Новая улика

Плотный туман застилал Москву, превращая рассвет в растянутый, серый полдень. Павел Сомов смотрел на город из окна своей машины, стоя в пробке на Садовом кольце. В руках он нервно перебирал распечатку электронной переписки с экспертом Анатолием Борисовичем. Старик работал быстро: он уже добился допуска к материалам ДНК-исследования и готовил разгромное заключение о нарушениях при заборе образцов. Это был луч света в непроглядной тьме последних дней. Но света было мало.

Встреча с племянником Крыловой, Дмитрием, состоялась накануне и оставила тягостное впечатление. Молодой человек, одетый в дорогой, но небрежный casual, вел себя настороженно, почти враждебно. Да, он подтвердил, что навещал тетю, интересовался ее делами («она же одна, родственная душа должна быть»). Квартирой? «Ну, наследство – дело естественное, но я не торопился». Он категорически отрицал знание каких-либо «старых документов» из ее архива. «Тетя была библиотекарем, у нее одни книги». В момент убийства у Дмитрия было алиби – он был на корпоративе в Санкт-Петербурге, что легко подтверждалось десятками свидетелей и фотографиями в соцсетях. Уезжая, он бросил Павлу: «Я знаю, что вы защищаете того уродца. Надеюсь, его сгноят в тюрьме». Эмоция выглядела искренней, но была ли это боль от потери родственницы или нечто иное?

Волков же, Сергей, словно испарился. Его телефон не отвечал, автосервис был закрыт наглухо, соседи по гаражному кооперативу ничего не знали. Это было хуже, чем любое свидетельство. Бегство говорило само за себя.

Машина тронулась. Павел свернул к своему офису, думая о предстоящем дне. Сегодня должно было прийти официальное постановление о назначении повторной экспертизы. А еще он ждал звонка от своего IT-специалиста, который копался в цифровых следах Артема.

Войдя в приемную, он сразу почувствовал напряженную атмосферу. Его секретарша, Валентина Петровна, обычно непроницаемая, смотрела на него с беспокойством.

– Павел Александрович, вас ждет майор Громов. В вашем кабинете. И... он не один.

– Спасибо, – кивнул Павел, внутренне собравшись. Визит Громова без предупреждения никогда не сулил ничего хорошего.

В кабинете, кроме майора, сидел еще один человек – коренастый, лысоватый мужчина в строгом костюме, с портфелем на коленях. Лицо его было официально-бесстрастным.

– Павел, заходи, – Громов, вопреки обыкновению, был серьезен, без и тени усмешки. – Знакомься, коллега из прокуратуры, старший помощник прокурора района, Алексей Петрович Марков.

Ледяной комок сформировался в желудке Павла. Прокуратура на ранней стадии следствия? Это было серьезно.

– Чем обязан? – спокойно спросил Павел, занимая место за своим столом.

Марков первым взял слово. Голос у него был ровный, металлический.

– Гражданин Сомов, мы здесь в связи с делом №34782. Расследование вступает в решающую фазу. Имеются новые, существенные доказательства, которые укрепляют позицию обвинения. Мы считаем необходимым проинформировать защиту, чтобы в дальнейшем не было обвинений в неполноте следствия.

Он открыл портфель и извлек несколько фотографий, положив их перед Павлом.

На первых снимках был изображен гаражный бокс в одном из кооперативов на окраине района. На столе, заваленном автодетальями, лежала темно-синяя куртка. На следующем фото – крупный план этой куртки. На рукаве, около манжета, было темное, неравномерное пятно.

– Это что? – спросил Павел, хотя догадывался.

– Это куртка, принадлежащая, как мы установили, вашему подзащитному, Артему Зайцеву, – сказал Марков. – Обнаружена она была в гараже, арендованном на подставное лицо. Гараж находится в пяти километрах от места преступления.

– Как установили принадлежность?

– При обыске у Зайцева изъяли аналогичную куртку. Модель, размер, даже потертости на молнии совпадают. Эта – вторая. По словам его коллег по турклубу «Рубеж», у него была запасная, «походная» куртка. Вот она. Анализ пятна на рукаве показал, что это кровь. Группа – первая. Совпадает с группой крови Анны Крыловой. Окончательно подтвердит ДНК-экспертиза, которая уже назначена.

Павел чувствовал, как комок льда растает, заполняя все внутри. Куртка. Кровь. Гараж.

– Гараж арендован на подставное лицо. Кем? – спросил он, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– Устанавливаем. Но факт нахождения там вещи подозреваемого с пятнами, похожими на кровь потерпевшей, говорит сам за себя. Возможно, он планировал преступление или прятался там после. Мы также нашли в гараже клочок бумаги, – Марков положил еще одно фото. Это была распечатка, смятая, грязная. На ней был адрес Анны Крыловой и несколько слов, написанных от руки печатными буквами: «Документы. Архив. Срочно».

– Это не почерк Зайцева, – тут же сказал Павел.

– Возможно. А возможно, он специально изменил почерк. Или это записка от соучастника, которого он, возможно, боится назвать. Но улика серьезная. Она связывает Зайцева не только с местом преступления, но и с возможной корыстной составляющей – поиском неких документов. Что опровергает версию о «бытовом конфликте» и делает предъявленное обвинение в убийстве еще более обоснованным.

Громов, молчавший до сих пор, добавил:

– Мы также допросили еще одного свидетеля. Молодую маму с первого этажа, которая гуляла с коляской вечером того дня. Она подтверждает, что видела человека в темной куртке, похожей на эту, который выходил из подъезда Крыловой около девяти вечера. И она обратила внимание, потому что он «сутулился и нервно оглядывался». Описание в целом подходит под Зайцева.

– И она опознала его на очной ставке? – быстро спросил Павел.

– Пока нет. Но готовится. Свидетельница уверена.

Павел откинулся на спинку кресла, делая вид, что изучает фотографии. Его мозг лихорадочно работал. Каждая новая улика, которую он пытался оспорить, порождала две новых, еще более тяжелых. Сначала свидетель-старик. Потом ДНК. Теперь – окровавленная куртка в тайном гараже и новая свидетельница. Это был классический прием следствия: навалиться массой улик, даже если каждая по отдельности шатка. Вместе они создавали непробиваемую стену.

– Я требую, чтобы мои эксперты имели немедленный доступ к этой куртке, к гаражу, к всем новым доказательствам, – сказал Павел, собрав всю свою волю. – И чтобы до окончания всех экспертиз эти «новые улики» не фигурировали в СМИ как доказанная вина моего подзащитного.

Марков кивнул, как робот.

– Разумеется. Все в рамках закона. Протоколы изъятия и постановления о назначении экспертиз вам будут предоставлены. Но, гражданин Сомов, я, как представитель прокуратуры, должен вас предупредить: дело приобретает особую общественную значимость. Преступление против пенсионерки, ветеранки труда, совершенное с особой жестокостью и, возможно, с корыстным умыслом. Общественность и пресса ждут справедливого исхода. Защита лица, улики против которого множатся, может быть неверно истолкована.

Это была тонкая, но четкая угроза. Не дави на следствие, не то твоя репутация пострадает.

После их ухода Павел долго сидел в тишине. Туман за окном сгустился. Он взял трубку и набрал номер Анатолия Борисовича.

– Анатолий Борисович, у нас новая проблема. Куртка. Кровь. Гараж.

– Я уже слышал, – голос эксперта звучал устало. – Громов звонил, «уведомил». Павел, это плохо. Даже если мы оспорим ДНК под ногтями, эта куртка... кровь на одежде – очень веский аргумент для суда. Нужно посмотреть оригинал. Искать следы подмены, стирки, чего угодно.

– Добейтесь доступа. Любой ценой. И найдите своего человека в экспертно-криминалистическом центре, кто мог бы посмотреть на это независимо.

– Постараюсь.

Следующий звонок был к IT-специалисту, молодому гению по имени Лев.

– Лев, по делу Зайцева. Есть движение?

– Павел Александрович, тут интересное, – оживился Лев. – Я проанализировал трафик с его ноутбука. Да, в указанное время нет активного стрима. Но есть кое-что другое. В 20:15 произошло автоматическое обновление операционной системы. Довольно объемное. Оно могло «съесть» весь канал, и попытки доступа к потоковому видео могли быть заблокированы или не залогированы корректно. Это техническая вероятность. Не оправдание, но объяснение, почему в логах провайдера чисто.

– Это можно доказать?

– Можно попробовать. Нужно получить доступ к самому ноутбуку на более глубоком уровне, сделать дампы памяти, посмотреть системные логи. Если следствие не стирало их.

– Оформляй ходатайство. Срочно.

Павел положил трубку. Маленькая надежда. Очень маленькая. Но теперь, на фоне окровавленной куртки, она казалась микроскопической.

Вечером его вызвал отец. Александр Николаевич сидел в своем кабинете, и лицо его было суровым, как гранит.

– Павел, садись. Марков из прокуратуры был у меня сегодня днем. Неформально.

Павел сел, приготовившись к худшему.

– Он передал озабоченность. Дело Зайцева становится громким. Ветераны района уже написали коллективное письмо с требованием быстрого и строгого суда. Пенсионерку убили. И улики, как мне сказали, железные. Марков намекнул, что твоя активность, твои попытки оспаривать очевидное, могут быть расценены как препятствование правосудию. Или, того хуже, как попытка заработать политический капитал на защите негодяя.

– Это бред, – сквозь зубы проговорил Павел.

– В нашей профессии бред часто становится реальностью, – жестко сказал отец. – Павел, я приказываю тебе как старший партнер: отойди от этого дела. Передай его Светлане из уголовного отдела. Она доведет его до конца без лишнего шума.

– Я не могу, – просто сказал Павел. – Я дал слово клиенту. И я вижу в этом деле изъяны. Громадные.

– Изъяны? – отец повысил голос. – Улики против твоего клиента растут как грибы после дождя! ДНК, свидетель, теперь куртка с кровью! Какие еще изъяны? Ты слепнешь, сын! Тебя затягивает воронка! Ты начинаешь верить в конспирологические теории, потому что не можешь признать, что ошибся, поверив в невиновность этого человека!

– А если я не ошибся? – вскочил Павел. – А если его подставляют? Тогда что? Мы, юристы, должны идти по пути наименьшего сопротивления? Закрывать глаза, потому что так проще?

Александр Николаевич тяжело вздохнул, его гнев сменился усталостью.

– Ты идеалист, Паша. Как твоя мать. Она тоже верила, что мир можно изменить одним лишь правильным поступком. – Он помолчал. – Делай как знаешь. Но знай: если ты проиграешь это дело, а проиграешь ты его с такими уликами наверняка, репутации фирмы будет

нанесен серьезный удар. И наши клиенты, серьезные люди, могут этого не понять. Ты ставишь на карту не только себя. И не только этого библиотекаря. Ты ставишь на карту дело, которое строил я и мой отец.

Это был удар ниже пояса. Павел знал, какую цену отец заплатил за эту фирму. Но отступить теперь значило предать себя.

– Я должен довести до конца, – тихо, но твердо сказал он. – Хотя бы для того, чтобы знать, что сделал все, что мог.

Он вышел из кабинета отца, чувствуя тяжесть разрыва. Они не ссорились, но между ними легла трещина, глубокая и холодная.

На следующий день Павел поехал в СИЗО. Ему нужно было посмотреть в глаза Артему и задать прямой вопрос о куртке и гараже.

Артем выглядел еще более разбитым. Новости о куртке, видимо, до него уже дошли через тюремную передачу или следователя.

– Они говорят, нашли мою куртку с кровью, – сразу начал он, и голос его дрожал. – Этого не может быть! Моя вторая куртка висит в шкафу на даче! На старой даче матери в Подольске! Я ее туда осенью отвез! Ее там нет!

– В каком шкафу? Конкретно.

– В синем, советском, в спальне. Она висит в чехле. Я вас умоляю, проверьте! – он схватился за решетку, разделявшую их, его костяшки побелели.

– Мы проверим. А гараж? Вы знаете что-нибудь о гараже в кооперативе «Восток»?

– Никогда не слышал! У меня нет гаража! Я машины не имею!

В его глазах была такая искренняя паника и непонимание, что Павел снова ощутил сомнение. Этот человек либо гениальный психопат, либо... либо жертва невероятно продуманной провокации.

– Артем, записка с адресом и словом «документы». Вы что-нибудь знаете о каких-то документах Анны Семеновны?

Лицо Артема стало задумчивым.

– Она... однажды обмолвилась, что разбирает старые бумаги отца. Говорила, что там есть «интересные истории для тех, кто понимает». Но я не вдавался. Это не моя тема.

Павел записал. «Интересные истории». Архив партийного работника. Возможно, компромат на кого-то? На того же Волкова? Или на кого-то более влиятельного?

Вернувшись в офис, он застал Игоря, который выглядел возбужденным.

– Нашел кое-что по Волкову, – без предисловий начал детектив. – Он не просто скрылся. Он взял в банке крупный кредит под залог той самой квартиры отца за месяц до убийства. И... часть денег он перевел на счет, принадлежащий фирме-однодневке. А та фирма, в свою очередь, платила за аренду того самого гаража в кооперативе «Восток».

Павел замер.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Цепочка сложная, но прослеживается. Волков платил за гараж, где нашли куртку Зайцева. Но зачем?

– Чтобы подбросить ее туда, – медленно проговорил Павел. – Он имел доступ. Он мог украсть куртку с дачи Зайцева (если она там действительно была), добавить кровь (где он ее взял? у Крыловой?), и оставить в гараже, который арендовал сам. А потом исчезнуть.

– Мотив? – спросил Игорь.

– Месть Зайцеву за отца. И, возможно, что-то от Крыловой. Может, она знала про его махинации с кредитом? Или у нее были документы, компрометирующие его? Он убил двух зайцев: свел счеты с Зайцевым и завладел чем-то от Крыловой. Идеально.

– Теоретически, – согласился Игорь. – Но доказательств связи Волкова с убийством – ноль. Только эта цепочка с гаражом. И его исчезновение.

– Этого уже достаточно, чтобы посеять разумное сомнение, – сказал Павел, и в его голосе впервые за несколько дней прозвучали нотки надежды.

Но надежда была недолгой. Через час позвонил Анатолий Борисович. Его голос звучал подавленно.

– Павел, по ДНК... я не могу найти грубых нарушений. Протоколы составлены корректно. Лаборатория имеет аккредитацию. Образцы опечатаны. Шансы оспорить минимальны. Разве что запросить ре-тест в другой лаборатории, но это время и огромные деньги. А по куртке... доступ дали. Я осмотрел. Пятно... оно выглядит странно. Не как брызги от удара или контактное пятно от раны. Оно более... размазанное, как будто кровь нанесли уже после, тряпкой. Но это субъективно. Экспертиза, скорее всего, просто установит факт наличия крови и группу. И все.

Павел поблагодарил его и положил трубку. Тупик. Каждая дверь, в которую он стучался, захлопывалась. Научные данные были против него. Вещественные доказательства были против него. Показания свидетелей (хоть и сомнительных) были против него. И теперь еще давление системы и семьи.

Он вышел из офиса и пошел пешком, не чувствуя холода и сырости. Туман рассеялся, сменился мелким, колючим дождем. Он шел без цели, пока не оказался у большого храма, купола которого терялись в низкой облачности. Он не был особо верующим, но сейчас зашел внутрь. В полутьме горели свечи, пахло ладаном и воском. Он сел на скамью в углу и закрыл глаза.

В голове проносились обрывки: окровавленная куртка, безумные глаза Артема, холодное лицо прокурора Маркова, усталое разочарование в глазах отца. Он просил не помощи, а просто ясности. Где правда? Она была где-то там, за стеной лжи и подстроенных доказательств. Но добраться до нее казалось невозможным.

Его телефон завибрировал. Незнакомый номер.

– Аллю?

– Павел Александрович Сомов? – женский голос, тихий, нервный.

– Да.

– Я... я соседка Анны Семеновны. Та самая, с первого этажа, которая с коляской. Мы... мы с мужем хотим с вами поговорить. Только не в милиции и не у нас дома. Тайно. Вы можете?

Павел выпрямился, все чувства обострились.

– Могу. Где и когда?

– Сегодня. В десять вечера. Детская площадка во дворе нашего дома. Та, что за углом, в глубине. Я буду с собакой, большой черной. Пожалуйста, одни.

– Я буду.

Он положил трубку. Сердце билось чаще. Свидетельница, которая «уверенно опознала» Зайцева, теперь хочет тайной встречи. Это могло быть все что угодно: от попытки вымогательства до настоящего прорыва. Но это был шанс. Возможно, последний.

Вечером, ровно в десять, Павел стоял на пустынной, освещенной тусклым фонарем детской площадке. Дождь моросил, превращая песок в кашу. Из темноты вышла женщина лет тридцати, в длинном плаще, с большой черной собакой на поводке. Рядом с ней был мужчина, крепко сжимавший ее руку.

– Вы Сомов? – тихо спросила женщина.

– Да.

– Я Ольга. Это мой муж, Андрей. Мы... мы не можем молчать.

– Говорите, – мягко сказал Павел.

– Меня допрашивали. Про то, что я видела того человека. И я... я действительно видела кого-то в темной куртке. Но... – она замолчала, глядя на мужа.

– Но это был не Зайцев, – закончил за нее муж. Его лицо было напряженным. – Она сказала следователю, что не уверена. Что видела со спины, в темноте. А он, Громов, начал давить. Говорил: «Вы же мать, вы должны помочь наказать негодяя, убившего старушку». Намекал, что если она не «узнает» Зайцева, то могут быть проблемы... с нашей семьей. С работой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.